

12. Лебединский, В. В. Аутизм как модель эмоционального дизонтогенеза / Психология аномального ребенка [Текст] : хрестоматия / под ред. В. В. Лебединского. М. К. Бардышевской. – Т. 2. – М. : ЧеРо, 2002.
13. Либлинг, М. М. Подготовка к обучению детей с ранним детским аутизмом (начало) [Текст] / М. М. Либлинг // Дефектология, 1997. – № 4. – С. 80–86.
14. Либлинг, М. М. Подготовка к обучению детей с ранним детским аутизмом (продолжение) [Текст] / М. М. Либлинг // Дефектология, 1998. – № 1. – С. 69–80.
15. Нуриева, Л. Г. Развитие речи у аутичных детей [Текст] / Л. Г. Нуриева. – М. : Теревинф, 2003.

УДК 37.018.26

*A. A. Lebedeva, V. Yu. Kostenko,
Национальный исследовательский университет
«Высшая школа экономики»,
г. Москва
E-mail: anna.alex.lebedeva@gmail.com*

Родительская позиция в отношении особого ребенка как ресурс его развития

Исследование выполнено при финансовой поддержке РГНФ. Проект «Личностное развитие в период перехода от детства к взрослости: психологические механизмы, индикаторы и траектории» № 17-06-01009

Статья посвящена теоретическому анализу перспектив изучения родительской позиции по отношению к особому ребенку. Родительская позиция рассматривается как диспозициональная характеристика личности родителя, включающая в себя эмоциональное отношение к ребенку и ситуации особого родительства, ожидания и конкретные осознаваемые установки родителя по отношению индивидуальным особенностям ребенка, его диагнозу, а также отношение к специалистам, сопровождающим семью. Делается вывод о высокой научно-практической ценности изучения и работы с личностью родителя, поскольку последняя является ресурсом развития ребенка.

Родительская позиция, ребенок с ОВЗ, личность родителя, ресурс развития

*A. A. Lebedeva, V. Yu. Kostenko,
National Research University Higher School of Economics,
Moscow
E-mail: anna.alex.lebedeva@gmail.com*

Parental dispositions toward a special child as a developmental resource

The research was supported by Russian Foundation for Humanities. Project «*Personality development through the transition from childhood to adulthood: psychological mechanisms, indicators and trajectories*» № 17-06-01009

The article is devoted to the theoretical analysis of prospects of studying parents' disposition toward their special needs child. The parental disposition is considered as the dispositional characteristic of parent's personality including the emotional attitude towards the child in conditions of a special parenthood, expectations of parent towards specific features of their child's disability, and also their attitude towards the specialists accompanying the family. The authors draw conclusion about high scientific and practical value of studying and working with the parent's personality as a resource of child development.

Parental disposition, child with disability, personality of the parent, resource of development

Начиная уже с момента рождения центральной фигурой, которая связывает ребенка с миром, является родитель или человек, его замещающий. Развитие детско-родительских отношений в нормальных (неосложненных) условиях протекает стремительно, и в ходе него личность ребенка достигает все большей эмансипации от ситуативных влияний и собственных психических проявлений (Божович, 1976). В ситуации же развития ребенка с ментальными нарушениями процесс отделения ребенка от родителя идет значительно медленнее, а полный выход из-под родительской опеки зачастую невозможен или даже губителен. Потому самостоятельность ребенка должна реализовываться здесь во взаимодействии родителя и ребенка, в условиях «совместно-разделенной деятельности» (Соколянский, Мещеряков, 1962). Особенностью таких отношений является то, что родитель (биологический или замещающий), выступая главным звеном социальной поддержки, организует ее путем сохранения активности на стороне ребенка (Леонтьев и др., 2015).

Последствия ментальных ограничений ребенка таковы, что личность родителя остается, возможно, неустранимым средством, с помощью которого организуется, осуществляется и регулируется взаимодействие ребенка с миром. Иными словами, потенциалом детско-родительских отношений в «затрудненных условиях» (Леонтьев, 2014) является возможность родителя образовать собой «новый функциональный орган, новое сочетание сил, способное осуществить определенное достижение» (Зинченко,

2002). Организация отношений такого порядка при наличии серьезных физических или психических дефицитов у ребенка – задача, требующая от родителя глубокого и зрелого осмыслиения ситуации «особого родительства» (Галасюк, 2015).

Исследования отношений между ребенком и родителем осуществляются, как правило, в контексте изучения родительских способов воспитания. Классические подходы выявляли различные стили воспитания, фокусируясь на степенях родительского контроля: авторитарный, разрешающий (либеральный), авторитетный (балансированный) стили (Baumrind, 1966). Позднее для различия стилей родительства был введен критерий вовлеченности в жизнь ребенка (Maccoby & Martin, 1983). Таким образом, в широком смысле, под стилем родительского воспитания принято понимать совокупность технических приемов взаимодействия с ребенком, внешне наблюдаемые особенности поведения, общую манеру взаимодействия родителя с ребенком, конкретные тактики поведения родителя. При таком подходе в центре внимания исследователя оказывается поведенческий уровень отношений и его инструментальные характеристики, в то время как личностные особенности участников взаимодействия остаются за пределами анализа.

Развивая современное понимание природы описываемых феноменов (Blancher et al., 2013; Raya et al., 2013) и продолжая линию исследований И.Н. Галасюк, в данной работе мы исходим из того, что личность родителя может быть возвращена в поле анализа. Такую возможность нам открывает понятие родительской позиции.

Представление о родительской позиции изначально сформировалось в рамках семейной психологии преимущественно в контексте изучения типичного развития ребенка. Большинство авторов определяют родительскую позицию через категорию установки, направленности (Спиваковская, 1981), эмоционального отношения родителя к ребенку, способов поведения с ним (Столин, Бодалев, 1989), а также когнитивного представления родителя о ребенке (Варга, Смехов, 1986). Некоторые ученые подчеркивают, что в родительском отношении всегда одновременно присутствуют «... два противоположных начала: личностное, определяющее отношение к ребенку как к целостной, уникальной личности, и предметное, предполагающее оценку его отдельных качеств» (Смирнова, Быкова, 2000).

Стоит подчеркнуть, что В. В. Столин и А. А. Бодалев предлагают не отождествлять понятия «родительская позиция» и «стиль воспитания» («родительский стиль»), потому как последнее используется «для обозначения установок и соответствующего поведения, которые не связаны с данным ребенком, а характеризуют отношение к детям вообще» (Столин, Бодалев, 1989, с. 18). Помимо этого, *в отличие от стиля воспитания, ро-*

дительская позиция отражает не столько внешне наблюдаемые параметры поведения, сколько внутреннюю готовность к реализации эмоциональных, когнитивных и поведенческих стратегий в отношении своего ребенка.

В ситуации воспитания особого ребенка родительская позиция является в сущности тем же, что и в ситуации неосложненного развития, отличаясь при этом на смысловом уровне. Родителю, воспитывающему ребенка с особенностями развития, приходится вырабатывать нозоспецифичные аспекты понимания, поведения и своего отношения к ребенку. Опираясь на работы И. Н. Галасюк, мы рассматриваем родительскую позицию по отношению к особому ребенку как диспозициональную характеристику личности родителя, которая включает в себя эмоциональное отношение к ребенку и ситуации особого родительства, ожидания и конкретные осознаваемые установки родителя по отношению индивидуальным особенностям ребенка, его диагнозу, а также ожидания от специалистов, сопровождающих семью.

Основным критерием, который позволяет теоретически выделить и эмпирически обосновать виды родительской позиции, выступает направленность родительской активности (см. Галасюк, 2014а,б). Известно, что под влиянием стресса запускаются физиологические механизмы «ответа на повреждение» (Селье, 1979), происходит мобилизация адаптационной энергии. При этом само стрессовое событие может быть рассмотрено и как источник активности субъекта, однако качество этой активности способно приобретать различные формы.

Адаптивная активность личности включает в себя способность самостоятельно преобразовывать действительность и связана с конкретными усилиями, направленными на изменение ситуации. Иващенко А.В. с соавторами отмечают, что важной здесь является «положительная переоценка своего положения и способность субъекта самостоятельно отыскать в себе внутренний ресурс преодоления» (Иващенко и др., 2012, с. 288). Однако активность может приобретать и негативные формы. Таким вариантом является *дезадаптивная активность* личности, которая проявляется в ситуации стресса и выражается в попытках избежать возникшую проблему, а не разрешить ее. Кроме того, «дезадаптивная активность характеризуется интенсивной фиксацией на успешном исходе ситуации в сочетании с рационализацией, что приводит к еще большему расхождению между собственными желаниями и требованиями действительности» (там же, с. 290).

Ситуация появления в семье особого ребенка всегда связана с психологическим стрессом высокого уровня, при этом формы активности родителей могут варьировать в зависимости от имеющихся у личности ресурсов. Рассматривая в качестве критерия преобладающую форму актив-

ности и ее психологические предпосылки, И. Н. Галасюк выделяет четыре типа родительских позиций в отношении особого ребенка: партнерскую, наставническую, доминантную, отвергающую (Галасюк, 2014а).

Находясь в *отвергающей позиции*, родитель подавляет активность по отношению к ребенку, эмоционально и поведенчески дистанцируется от него. Отвергающие родители снимают с себя ответственность за воспитание, обучение и лечение ребенка, не стремятся к взаимодействию с профессионалами. Индикаторами такой позиции является актуализация признаков различного рода личностной дезадаптации: отрицание диагноза ребенка, искажение реальности, депрессия, пассивное отношение к сложившейся тяжелой жизненной ситуации, отказ противостоять обстоятельствам, с которыми надлежит встретиться в будущем (Галасюк, 2014б). Родитель фактически блокирует свою активность в отношении ребенка, демонстрирует неконструктивные способы совладания (поведенческий уход, ментальное отстранение и т. п.).

Для *доминантной родительской позиции* все еще характерны некоторые формы дезадаптивной активности, следствием чего является сопротивление действительности (диагнозу ребенка) и борьба с окружающей социальной средой. И. Н. Галасюк отмечает, что сообщество помогающих специалистов представляется родителю источником проблем, что заставляет его прикладывать значительные усилия в поиске высококвалифицированного специалиста, способного «вылечить» ребенка и оказать ему более эффективную помощь. Чрезмерно высокие стандарты определяют постановку родителем целей, неадекватных состоянию здоровья ребенка. Поведение доминантных родителей характеризуется высокой степенью активности, которая не приносит им удовлетворения, а напротив, приводит к нарастанию психологического стресса.

Адаптивные формы активности предполагают, что перед субъектом стоит задача приспособиться не только к событиям внешнего мира, «но и к изменениям во внутреннем мире, к собственным поступкам и действиям, к результатам своей же деятельности, к своим недостаткам и достоинствам» (Сарджвеладзе, 1989, с. 24). Иными словами, родитель пытается каким-либо способом преодолеть трудности воспитания особого ребенка – получить новые знания, расширить спектр техник взаимодействия с ребенком. Активность направляется в русло сотрудничества со специалистами, с целью получить от них рекомендации и максимально точно и полно выполнить все предписания (Галасюк, 2014б). Такая активность позволяет фасilitировать развитие ребенка, стабилизировать состояние родителя и семьи в целом.

Проявлению адаптивной формы активности личности родителя соответствует *наставническая позиция*. Она характеризуется тем, что родитель активно взаимодействует с ребенком, уделяет большое количество

усилий его развитию (там же). Такой родитель находится в постоянном контакте с большим числом специалистов, выполняет большинство рекомендаций. Его личность обладает выраженными ресурсами устойчивости, которые и позволяют выдерживать интенсивные темпы работы с ребенком наряду с получением новых и новых компетенций. Целью наставника является изменение ситуации, а в перспективе – полное выздоровление ребенка. Однако в случае воспитания ребенка с непреодолимыми когнитивными ограничениями стремление родителя к высокой планке достижений оборачивается риском эмоционального и психического истощения.

Для описания четвертой, *партнерской родительской позиции* по отношению к особому ребенку, рамки дилеммы адаптации/дезадаптации представляются недостаточно широкими. С целью описания данной позиции И. Н. Галасюк (2014b) предлагает ввести еще одно измерение – *надсобытийной активности*, опираясь в своих взглядах на представления В.А. Петровского о неадаптивной (надсituативной) активности (см. Петровский, 1996, с. 320–335). Такая форма активности связывается с особым преодолением фрустрирующих условий хронического стресса и раскрывается способностью личности подниматься над уровнем требований ситуации, ставить цели, избыточные с точки зрения основной задачи, мотивироваться притягательностью действий с непредрешенным исходом. Эта форма активности характеризуется тем, что открывает возможности для творческих решений трудных жизненных задач. Партнерская позиция предстает наиболее конструктивной, поскольку она позволяет родителю определить себя в надсобытийном поле (Галасюк, 2016) и дистанцироваться от мучительных переживаний, связанных с трудностями ребенка. Данная позиция позволяет личности переосмысливать событие появления в семье особого ребенка, что в свою очередь открывает возможность использовать свои личностные ресурсы наиболее полным образом. Родитель-партнер способен видеть положительные результаты даже в ситуации крайне медленного прогресса ребенка, вырабатывая целостное отношение к ней и учитывая весь семейный контекст. Такая позиция позволяет родителю рассматривать сложности ребенка под таким углом, что они сами по себе становятся ресурсом развития и личности родителя и семьи в целом.

На наш взгляд описанное выше представление о родительской позиции позволяет расширить понимание того, как работать с семьями детей с ментальными нарушениями. Однако актуальность такого подхода обосновывается не только тем, что работа психолога с родителем призвана улучшить его эмоциональное состояние, но и тем, что *личностное развитие родителя предстает перед нами важнейшим средством развития ребенка*.

В предыдущих наших исследованиях (Александрова, Лебедева, 2014), проведенных на родителях и детях с ОВЗ (студентах), было показано, что личностные ресурсы родителя – самоэффективность, осмысленность жизни, жизнестойкость и толерантность к неопределенности – связаны со способностью ребенка к психологическому преодолению психотравмирующих событий (т.е. способствуют посттравматическому росту и преодолению травмы у их детей). Вместе с тем развитая способность родителя к психологическому преодолению травмы связана с высоким уровнем жизнестойкости ребенка, а его удовлетворенность жизнью – с осмысленностью жизни ребенка. Главный вывод полученных результатов состоит в том, что «личностные ресурсы и способность к позитивной интеграции травматического опыта у родителей могут рассматриваться как важнейший ресурс развития личности ребенка с ОВЗ и преодоления им психотравмирующего опыта в любом возрасте» (там же, с. 100–101), а преодоление последствий психологической травмы ребенком в свою очередь восполняет ресурсы личности родителя.

Такая постановка проблемы развивает взгляды Л.С. Выготского о необходимости увести внимание с дефицитов и «минусов» ребенка, поместив в центр то, что ему доступно (Выготский, 1983). Личность родителя в отношении ребенка следует рассматривать культурно-исторически. Выдвинутый Л.С. Выготским основной закон психического развития, позволяет увидеть – все, что появляется в личности ребенка прежде было социальным, прежде лежало в его отношениях с людьми. Говоря о развитии личности ребенка с ментальными нарушениями, мы не можем пройти мимо того факта, что родитель и его собственная личность – есть мир, в котором развивается ребенок. На месте этого родителя может находиться и другая значимая фигура, которая состоит с ним в длительных отношениях. Так, мы относим сюда и иные замещающие родителя фигуры, в том числе фигуру воспитателя, которая выдвигается на передний план в ситуации воспитания детей-сирот с инвалидностью.

Заключение

Основываясь на зарубежных и отечественных подходах к изучению детско-родительских отношений было сформулировано понимание родительской позиции в отношении особого ребенка. В ситуации воспитания ребенка с нарушениями развития понятием «родительская позиция» описывается интегральное качество личности, включающее в себя специфику понимания и эмоционального отношения к ситуации особого родительства (к диагнозу ребенка и к нему самому как личности), выраженное в готовности родителя к определенной направленности отношений со своим ребенком и окружающими (в первую очередь, сопровождающими семью специалистами).

Фокус на личности родителя позволяет покинуть чисто клиническое проблемное поле анализа особого родительства и рассматривать заболевание в качестве фона развития ребенка и детско-родительских отношений. Иными словами, последствия тех или иных нарушений здоровья ребенка выступают как «затрудненные условия» его развития. Эти условия, с одной стороны, формируют основу психологической травмы родителя, а с другой – эта же травма выступает источником его будущих личностных трансформаций, посттравматического личностного роста и т.п. Сама же личность родителя (или человека, его замещающего) является собой и ресурсы личностного развития ребенка. Такая точка зрения позволяет открыть широкие перспективы как для научного, так и для практического вектора психологии особого родительства.

Литература

1. Александрова Л. А., Лебедева А. А. Роль личности родителей в преодолении психологической травмы студентами с ограниченными возможностями здоровья [Текст] / Л. А. Александрова // Вестник Новосибирского государственного университета. Серия: Психология, 2014. – № 8(2). – С. 97–102.
2. Божович, Л. И. Психологические закономерности формирования личности в онтогенезе [Текст] / Л. И. Божович // Вопросы психологии, 1976. – № 6. – С. 46–72.
3. Варга, А. Я. Психологическая коррекция взаимоотношений детей и родителей [Текст] / А. Я. Варга, В. А. Смехов // Вестник Московского университета. Серия 14. Психология, 1986. – № 4. – С. 22–32.
4. Выготский, Л. С. Основы дефектологии [Текст] / Л. С. Выготский. – СПб. : Лань, 2003.
5. Галасюк, И. Н. Особенности родительских позиций в семье с умственно-отсталым ребенком [Текст] / И. Н. Галасюк // Клиническая и специальная психология, 2014а. – № 3(2). – С. 55–69.
6. Галасюк, И. Н. Феномен активности родителей ребенка с нарушениями интеллектуального развития [Текст] / И. Н. галасюк // Вестник Тверского государственного университета, 2014б. – № 3. – С. 195–205.
7. Галасюк, И. Н. Родительство особого ребенка: Специфика смыслов и зрелость родительской позиции [Текст] / И. Н. Галасюк // Современные исследования социальных проблем (электронный научный журнал), 2015, 9(53). Режим доступа: <http://journal-s.org/index.php/sisp/article/view/7497>. doi: 10.12731/2218-7405-2015-9-48.
8. Галасюк, И. Н. Теоретические аспекты разработки модели комплексного психологического сопровождения семьи ребенка с ментальными нарушениями «Куратор семьи» [Текст] / И. Н. Галасюк // В кн. Л. Е. Сикорская, А. К. Быков (Ред.), Современные подходы к преодолению социальной исключенности детей-инвалидов с умственной отсталостью в условиях центра содействия семейному воспитанию: Сборник статей. М.: ИДПО ДГСЗН, 2016. – С. 104–113.

9. Зинченко, В. П. Наука о мышлении [Текст] / В. П. Зинченко. – Часть 3 // Психологическая наука и образование, 2002. – № 3. С. 5–23.
10. Иващенко, А. В. Особенности проявления адаптивной и дезадаптивной форм активности личности в современных социально-культурных условиях [Текст] / А. В. Иващенко, Н. Б. Карабущенко, Т. С. Пилишвили, Т. В. Чхиквадзе // Каспийский регион: политика, экономика, культура, 2012. – № 4. – С. 282–292.
11. Леонтьев Д. А. Развитие личности в норме и в затрудненных условиях: вызовы и ресурсы [Текст] / Д. А. Леонтьев // Культурно-историческая психология, 2014. – № 3. – С. 97–106.
12. Леонтьев, Д. А. Место и функции социальной поддержки в структуре личностных ресурсов лиц с ограниченными возможностями здоровья [Текст] / Д. А. Леонтьев, А. А. Лебедева, Т. А. Силантьева // Культурно-историческая психология, 2015. – № 11(3). – С. 120–134.
13. Петровский, В. А. Личность в психологии: парадигма субъективности [Текст] : учебное пособие для студентов вузов / В. А. Петровский. – Ростов н/Д : Феникс, 1996.
14. Сарджвеладзе, Н. И. Личность и её взаимодействие с социальной средой [Текст] / Н. И. Сарджвеладзе. – Тбилиси : Мецниереба, 1989.
15. Селье, Г. Стресс без дистресса [Текст] / Г. Селье. – М. : Прогресс, 1979.
16. Смирнова, Е. О. Опыт исследования структуры и динамики родительского отношения [Текст] / Е. О. Смирнова, М. В. Быкова // Вопросы психологии, 2000. – № 3. – С. 3–14.
17. Соколянский, И. А. Обучение и воспитание слепоглухонемых [Текст] / И. А. Соколянский, А. И. Мещеряков. – М. : Известия АПН РСФСР, 1962.
18. Спиваковская, А. С. Обоснование психологической коррекции неадекватной родительской позиции [Текст] / А. С. Спиваковская // В кн. А. А. Бодалев (Ред.) (Семья и формирование личности). – М. : НИИ ОП, 1981. – С. 38–45.
19. Столин, В. В., Бодалев, А. А. Семья в психологической консультации: Опыт и проблемы психологического консультирования. – М. : Педагогика, 1989.
20. Baumrind, D. Effects of Authoritative Parental Control on Child Behavior. *Child development*, 1966, 37(4), 887–907. doi: 10.2307/1126611.
21. Blancher, J., Baker, B. L., & Berkovits, L. D. (Eds.). *Oxford handbook of positive psychology and disability*. New York, NY, USA: Oxford University Press, 2013.
22. Maccoby, E. E., & Martin, J. A. Socialization in the context of the family: Parent-child interaction. In P. Mussen (Ed.) & E. M. Hetherington (Vol. Ed.), *Handbook of Child Psychology* (4th ed.). New York: Wiley, 1983, 1–101.
23. Raya, A. F., Ruiz-Olivares, R., Pino, J., & Herruzo, J. Parenting style and parenting practices in disabled children and its relationship with academic competence and behaviour Problems. *Procedia – Social and Behavioral Sciences*, 2013, 89, 702–709. doi: org/10.1016/j.sbspro.2013.08.918